

Marta Łukaszewicz
Warszawa

НОВЫЙ ТИП СВЯЩЕННИКА В ПОВЕСТИ
ГРИГОРИЯ НЕДЕТОВСКОГО (О. ЗАБЫТОГО) *ВЕЛЕНО ПРИИСКИВАТЬ*

В своей статье я бы хотела не только приблизить читателям малоизвестные страницы русской литературы XIX века — а именно, проблематику и поэтику произведений из жизни духовенства — но и показать один из механизмов усвоения художественной литературой новых явлений действительности, в частности — новых социальных типов, которые таким образом превращаются в литературные типы.

1860-е гг. — это эпоха великих реформ в России. Наряду с земской, судебной, городской и другими реформами, государственные власти осуществляют также и церковные реформы. Они сопровождались оживленными дискуссиями в церковных и светских журналах того времени, которые обсуждали положение православного духовенства в российском обществе и возможности улучшения его статуса и быта. Интерес общества к сословию, чьи интересы ранее редко становились предметом широкого обсуждения, дебатирование вопросов церковной (в том числе приходской) жизни, а также новые возможности, открывшиеся перед самим духовенством, привели к изменениям, в первую очередь среди городских священников, а на рубеже 60-х–70-х гг. этот процесс коснулся также сельского духовенства. С одной стороны, наблюдалось оживление пастырской деятельности духовенства, поиски новых путей церковного служения, с другой стороны нельзя забывать о последствиях характерного для 60-х гг. «брожения умов», выразившихся в своеобразном преломлении проблемы «отцов и детей» и появлении «нового типа священника» (по аналогии с «новым человеком»). Среди молодого духовенства 1860–1870-х гг. возобладала критические настроения, стремление проверить и изменить существующий церковный строй, отвергнуть устаревшие обычаи.

«Новый тип священника» складывался постепенно и никогда, пожалуй, не был однородным явлением. Желание придать своему облику более светский вид — что можно назвать внешним аспектом данного явления — отмечается

публицистами, мемуаристами и другими наблюдателями уже в конце 50-х годов¹. При этом практически все авторы упоминают одни и те же наиболее характерные и заметные детали: изысканность в одежде (в частности, модный головной убор, разноцветные рясы) и домашней обстановке (символом ее утонченности становится фортепьяно), интерес к светским книгам, стремление к светским развлечениям — танцам, музыке, театру, игре в карты.

Другим «модным поветрием» среди молодых священников пореформенной эпохи, которое чаще всего, но не всегда, сочеталось с вышеупомянутой светскостью внешнего вида, было то, что известный американский исследователь Грегори Фриз назвал «клерикальным либерализмом». Важно подчеркнуть, что либеральные или даже радикальные взгляды молодого духовенства ограничивались сферой церковной жизни; общественные вопросы обычно оставались вне его интересов.

Новый тип священника стал сначала объектом внимания со стороны мемуаристов и журналистов; в художественной литературе — в которой, после снятия цензурных ограничений, стали появляться все новые и новые произведения из жизни семинаристов и духовенства — он впервые встречается в 70-е годы, в повести О. Забытого (псевдоним Григория Недетовского) *Велено приискивать*, опубликованной в 1877 году в номерах 9–11 «Вестника Европы».

Григорий Иванович Недетовский, нынче практически полностью забытый, в свое время имел репутацию довольно талантливого бытописателя духовенства, его хвалили Тургенев, Горький, Эртель. Повесть *Велено приискивать* была по сути дела его вторым произведением и первым, вызвавшим достаточно широкий отклик критики². Почти все рецензенты подчеркивали точность и объективность наблюдений автора, отмечая при этом композиционные недостатки повести. В центре внимания критиков оказались изображенные в повести представители молодого поколения духовенства, которые — что характерно для литературной критики того времени — рассматривались как явление, принадлежащее скорее

¹ Свящ. Г. Греков: *Духовное звание в России: Голос сельского священника*. «Духовная беседа» 1859, № 17, с. 109–130. Другие тексты, о которых идет здесь речь, это *История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870)* П. В. Знаменского (вып. 3. Казань 1892, с. 199, 211, 264), *Хроника моей жизни* архиепископа Саввы (Тихомирова) (т. 3. Сергиев Посад 1901, с. 457–458, 467–474), *Книга бытия моего епископа Порфирия (Успенского)* (т. 8. Санкт-Петербург 1902, с. 158), статьи *О новых типах в духовенстве* Н. П. Гилярова-Платонова («Современные известия» 1872, № 266) и *Нечто о современных священниках* С. Солянского («Гражданин» 1873, № 41, с. 1099–1102).

² IV: *Литературная летопись*. «Голос» 1877, № 217, 16 сентября; № 237, 6 октября; № 281, 19 ноября; А. [В. Г. Авсененко]: *Новый тип в нашей беллетристике*. «Русский вестник» 1877, № 11, с. 393–409; [Б. П.]: *Старые и молодые священники*. «Руководство для сельских пастырей» 1877, № 44, с. 291–300; Н. Соловьев: *Хула на молодое духовенство*. «Церковно-общественный вестник» 1877, № 109, с. 4–5.

к современной действительности, чем к миру художественной фикции. Для всех рецензентов на первый план выходят два вопроса: правдиво ли изобразил Забытый молодое духовенство? По каким причинам оно стало таким, а не иным? Беллетристическое произведение в очередной раз становится поводом для размышлений на церковно-общественные темы, установления диагнозов и поиска путей решения проблемы. Впрочем, само произведение провоцировало такой подход.

Главный герой повести *Велено приискивать*, о. Андрей Андреич Златокрылов, принадлежит к поколению «нового духовенства», но лишь в том смысле, что он следует популярным среди молодых священников современным идеям и тенденциям только потому, что так модно. Они влияют на его поведение, способ мышления, манеру суждений и высказываний, но остаются лишь внешней оболочкой, не затрагивающей его сущности. Определяющей чертой его характера является внутренняя зыбкость, обусловленная отсутствием убеждений, интересов, глубоких чувств, понимания целей и смысла жизни. Воспитание дома и в семинарии вырабатывают в Андрее Андреиче умение приспособливаться и лицемерить: отец внушает ему, что главное — это ничем себя не марать и ни во что не вовлекаться, семинарская же жизнь на квартире дает возможность пользоваться практически всевозможными удовольствиями без ведома начальства и, следовательно, без неприятных последствий. Ночные приключения, игра на гитаре, пение и шутки, цинические и кощунственные разговоры, беспорядочное чтение светских книг, особенно тех, «в которых в смешном виде изображалось духовенство»³ — вот, что формирует Андрея Андреича. «Серьезной подготовленности — ни к чему, убеждений — никаких, взгляд на жизнь — верх легкомыслия, понятие о себе — самое высокое, — вот добродетели, с какими Андрей Андреич выступил из школы в жизнь»⁴.

При этом он, следуя современным настроениям, презрительно относится к образу жизни своего отца, не имея, однако, никакой положительного альтернативного предложения, и поэтому выбирает путь удобного существования сибарита. На этом пути он пытается следовать модным среди молодого духовенства тенденциям. Поначалу он увлекается новой ролью пастыря и учителя, читает проповеди, ведет беседы с прихожанами, но при этом не обращает внимания на реакцию своих слушателей, довольствуясь мыслью, что он «хватил проповедь и ничего...»⁵. О любимой книге своей жены, завещанном ей отцом творении святителя Тихона Задонского *Сокровище духовное, от мира собираемое*, Андрей Андреич отзывается с пренебрежением: «Старо [...] Слова то какие: *посредствие... снискание... [...]*. Нового ничего

³ О. Забытый: *Велено приискивать*. «Вестник Европы» 1877, № 9, с. 62.

⁴ Там же, с. 63.

⁵ Там же, № 10, с. 458.

нет»⁶, предпочитая ей новые журналы и современные книги помещика Бочкина. Весной, при начале земледельческих работ, он дает указания своему работнику, делает ему замечания, щеголяя знанием заученных в семинарии земледельческих терминов. И все равно в практической жизни, особенно в денежных и хозяйственных вопросах, неоценимыми оказываются советы отца: как сохранить почтение крестьян, как утаивать часть дохода за свечи и т.п.

Немаловажное значение приобретает сопоставительно-сравнительная характеристика молодых и старых священников, где молодое духовенство представлено как единая социальная группа. Отметим вставной характер этого фрагмента, который подчеркивается несколько искусственным характером перехода от повествования к описанию:

Между ними [священниками — М. Л.] тотчас же завязался разговор. Но — два слова о батюшках. В последние десятилетия успел незаметно выработаться новый тип «попа», вовсе непохожий на прежний, так хорошо всем известный и часто изображаемый в литературе. В составе теперешнего духовенства два поколения — отцов и детей — представляют резкие особенности с внешней и внутренней стороны...⁷

«Отцы и дети» духовного сословия сравниваются весьма детально по следующим параметрам: головные уборы («Отцы носят шляпы большею частию пуховые [...]. Дети обзавелись шелковыми цилиндрами с узкими полями и меняют их чуть ли не каждый год»⁸), одежда, обувь, прически, отношение к прислуге, домашняя обстановка («Отцы живут скопидомами, с работниками разделяют труд и стол; обстановка у них в доме не затейливая и старинчатая; [...] Дети живут открыто и несколько барственно [...]. В доме у них вы увидите венскую мебель, диваны и кресла нового фасона и даже фортепьяно, или роялино, купленные в городе по случаю и стоящее по обыкновению без употребления»⁹), еда, развлечения, участие в разговорах, отношение к книгам и журналам, к политике и проповеди, отношение к традициям и своему званию.

Обратим внимание на то, что сравнение старых и молодых священников на уровне семантики и поэтики близко к физиологическому очерку. Установка на типизацию, детальное описание внешнего вида, привычек, занятий, обстановки и убеждений представителей данной социальной группы, особый интерес к бытовой стороне ее жизни составляют, как известно, характерные черты поэтики физиологического очерка. Возрастной принцип дифференциации, структурирующий данное сравнение, также не был чужд натуральной школе. Например, Вилламов в своем очерке *Русский солдат* (1847) выделяет четыре категории солдат (рекрут, молодой солдат, учебный, старый солдат), а очерки Вистенгофа

⁶ Там же, с. 472.

⁷ Там же, № 9, с. 46.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 47.

Чиновники и Врачи построены на оппозиции «сейчас–раньше».

Именно очерк — в первую очередь физиологический — как бессюжетный жанр дает возможность освобождения от традиционных литературных ролей и введения в произведение новых социальных типов, состоящих из социальных качеств и признаков¹⁰. Главным принципом, организующим изображение мира и человека в поэтике натуральной школы, стали установка на научность, всестороннее изучение и исчерпывающее описание определенной социальной или профессиональной группы. На первом плане оказывается невымысленность, соотнесенность с действительностью, причем верность оригиналу считается высшим достижением. Таким образом, художественное произведение приобретает функцию документа, фиксирующего и анализирующего общественные явления и типы.

Забывтый, вводя в художественную литературу новую социальную реальность, пошел по этому, уже освоенному русской литературой пути. Новый общественный тип описывается писателем как с помощью эстетически устаревших приемов натуральной школы (детальное, фотографическое сравнительное описание, претендующее на полноту и энциклопедичность), так и с использованием новых элементов очерка — целых сцен и диалогов, характерных для творчества беллетристов-разночинцев 60-х гг. Заметим, что, например, Федор Решетников в своем романе из жизни семинаристов и духовенства *Ставленник* (1864) тоже нередко вводит внесюжетные очерковые вставки, описывающие способ общения священников друг с другом или их типичное поведение в контактах с консисторией. У Забытого в подобной манере выдержаны сценки и диалоги с участием двух неизвестных по имени представителей молодого духовенства — горбоносого блондина в пепельной шелковой рясе и жирного брюнета в коричневой рясе. Они не вносят ничего нового в развитие сюжета, но служат характеристике молодого поколения священников: описывают их развлечения (в первую очередь игра в карты), круг интересующих их проблем (съезд депутатов духовенства, эмеритура, положение духовенства в обществе), показывают способ аргументации, манеру говорения, лексико-грамматические свойства языка — в частности, церковнославянизмы, употребляемые с целью создать пародийно-комический эффект (например, разговор за картами:

— *Пас!* — Также же и аз. — *Стучу.* — Я те проучу... [...] — *In suis.* Резать кому угодно? — Се ножа два имамы и довлеет нам. [...] — Ах, черт возьми, *прокинул!* — *Пой прокимен!*... — Ха-ха-ха! Оскорбе же Петр, яко постави ремиз втретие!¹¹

В заключение отметим, что изображаемый мемуаристами, публицистами и беллетристами 60–70-х гг. тип нового священника просуществовал — ко-

¹⁰ Л. Я. Гинзбург: *О литературном герое*. Ленинград 1979, с. 61.

¹¹ О. Забытый: *Велено приискивать...*, № 11, с. 33–34.

нечно, не без видоизменений — вплоть до 1900–1910-х гг. Оставляя здесь в стороне весьма интересный общественный аспект деятельности духовенства на рубеже XIX и XX веков, обратим внимание лишь на то, что светские элементы (подстриженные и модно причесанные волосы, белый стоячий воротничок, цилиндр) становятся, по свидетельству мемуаристов, а также сохранившихся фотографий того времени, неотъемлемой частью облика молодого и, условно говоря, «прогрессивного» духовенства.

Тип молодого священника получает распространение также в художественной литературе, особенно в произведениях 1880-ых годов (напр., в повести Дмитрия Мамина-Сибиряка *Авва* 1884 г., рассказе Ивана Буханова (псевдоним И. Борский) того же года *He соблюла*, где повторяются уже знакомые мотивы — изысканность внешнего вида (в рассказе Борского появляется даже такая деталь, как «длинные тонкие пальцы с красиво обточенными ногтями»¹²) и домашней обстановки (с тем же роялем), светское поведение, танцы и пр. Можно сказать, что здесь молодой священник становится узнаваемой и знаковой фигурой, то есть является частью литературной традиции, уже не столько социальным, сколько литературным типом.

Marta Łukaszewicz

NOWY TYP DUCHOWNEGO W OPOWIEŚCI O. ZABYTEGO *WIELENO PRIISKIWAT'*
(*PRZYKAZANO WYSZUKAĆ*)

Streszczenie

Reformy, które miały miejsce w Rosji w latach 60. XIX wieku, wpłynęły w znaczący sposób także na duchowieństwo, doprowadzając do pojawienia się tzw. nowego typu duchownego, charakteryzującego się świeckością i liberalizmem w światopoglądzie i wyglądzie zewnętrznym. W artykule przeanalizowany jest jeden z pierwszych utworów literackich, którego głównym bohaterem został taki właśnie typ księdza. Szczególny nacisk położony został na sposób wprowadzenia do literatury nowych zjawisk społecznych, z wykorzystaniem chwytów i technik wypracowanych przez szkołę naturalną.

Marta Łukaszewicz

NEW TYPE OF CLERGYMAN IN O. ZABYTY'S STORY *VELENO PRIISKIVAT'*

Summary

Reforms which took place in Russia in the sixties of 19th century had a serious impact on Orthodox clergy. It resulted in „a new type of clergyman” appearing. A tendency to be more secular and liberal in the outlook and appearance was distinctive for this type of clergyman. The article treats of one of the first literary work where the main hero is one of „the new clergymen”. The most important problem is the way of introducing new social phenomena to the literature, using tricks and techniques common for the Natural School.

¹²И. Борский: *He соблюла*. «Отечественные записки» 1884, № 4, с. 431.